

I

Пивной шампунь «Линко»

Май 1977 года

Устроиться на работу в «Райский уголок» было идеей Миранды Лонглейди. Мы с ней однажды столкнулись в торговом центре, и она показала объявление на информационной доске.

На неполный рабочий день требуются помощницы медсестры, не состоящие в профсоюзе, — 35 пенсов/час.

Идеальная частичная занятость для общительных отзывчивых женщин любого возраста.

Миранда решила попробовать и надеялась уговорить свою сестру Мелоди поработать с ней вместе. Но когда Мелоди вышла наконец из магазина с буханкой хлеба в руках и прочла объявление, она заявила, что это не для нее. В то время она как раз вошла в панк-фазу: в проколоте сверху ухе болталась серьга в форме кубика, на футболке — аппликация с интеллектуальной похабщиной.

— Ну пожалуйста... — ныла Миранда. — Ну, я не хочу одна идти.

Пока они переругивались, я еще раз перечитала объявление, уже повнимательнее, и поняла, что хочу такую

работу. Мне было пятнадцать, и мне понравилась идея быть профессионально сочувствующим человеком. Жутко хотелось чего-то нового, что могло перерасти в новую жизненную стадию, но не предполагало возни с лошадьми, школьных занятий, опытов с панк-культурой, как у Мелоди, или постоянного бойфренда, все это казалось чересчур утомительным, а кроме того, 35 пенсов в час — это же почти три фунта в день, вполне внушительная сумма. На такие деньги запросто можно прожить. Вдобавок совсем недалеко, можно ходить пешком, а я ведь терпеть не могу автобусы.

— Я пойду с тобой, — сказала я, и Миранда быстро развернулась и уставилась на меня с симпатией.

Мы никогда особо не дружили. Вообще-то я ее терпеть не могла, как и она меня, но по вышеуказанным причинам на пару с ней я отправилась в соседнюю деревню, «дабы лично подать заявление, не теряя ни минуты», как предлагалось в объявлении.

Прогулка до «Райского уголка» получилась увлекательной. Миранда рассказала, почему ей так нужна работа, и причина оказалась столь веской и романтической и до того не в духе прежней Миранды, что я изменила свое мнение о ней. Нет, она мне все так же не нравилась, но теперь казалась интересной, чего не скажешь о большинстве людей.

Миранда с матерью были на ножах из-за Майка Ю, кавалера Миранды. Миранда под села на таблетки, чтобы можно было спокойно заниматься сексом — когда придет время, — а миссис Лонглейди это просекла, потому как у Миранды внезапно сиськи выросли на два размера, несмотря на переход с нормального хлеба на низкокалорийные сухарики. Миссис Лонглейди лишила дочь карманных денег и пригрозила, что отныне не

даст ни пенни, если та не прекратит встречаться с Майком Ю.

Вообще-то дело в том, что миссис Лонглейди больше нравился предыдущий кавалер Миранды, молодой человек из Маркет-Харборо, по прозвищу Большой Смиг, он из аристократической семьи, но пытался прикинуться нам ровней, безбожно матерясь; отец его работал в администрации «Бритиш Лейланд», а маменька участвовала в благотворительных проектах принцессы Анны, что-то там с лошадьми, а еще в одиночку организовала пять квартальных празднеств по случаю Серебряного Юбилея Королевы*.

Майк Ю раздражал мать Миранды, она называла его «хлюпиком» и «япошкой». Миранду это бесило, потому что Майк родом из Гонконга, а люди оттуда считаются либо англичанами, либо китайцами — если они не иной национальности, разумеется. Но по некоторым причинам они редко бывают японцами. Миранда тщательно изучила вопрос, она прочла энциклопедию и даже спросила самого Майка Ю, хотя это выглядело ужасно неловко и беспардонно.

Недавно Миранде приснился дурной сон, в котором ее мать сделала вуду-куклу Майка и тыкала в нее иголки. А когда бедняжка Майк бился в агонии (в ее сне), Миранда закричала на мать: «Прекрати свое колдовство, я люблю Майка!» И вот так во сне Миранда впервые осознала, что действительно влюбилась.

После того сна отношения Миранды с Майком Ю сделались настолько серьезны, что она дважды обедала со всей его семьей (Майк, его родители и старенький дедушка). В первый раз они заказали еду из заведения

* 25-летие вступления на престол королевы Елизаветы II. — *Здесь и далее примеч. перев.*

«Дом удачи», которое принадлежит семейству Майка и располагается на первом этаже их дома, и все прошло замечательно.

Но во второй раз все было отвратительно. Мать Майка Ю попыталась приготовить в честь гостей настоящий английский обед, и, несмотря на этот откровенно дружественный жест, Миранду едва не стошнило прямо за столом. Мама Майка Ю подала огромные луковицы в качестве гарнира, просто шмякнула сбоку на блюдо вареные луковицы, будто это нормальные овощи, — рядом со шматом свинины. Миранда сражалась со свининой (жесткая/пересоленная) и луком (склизкий/тошнотворный), и ее буквально выворачивало, и она сумела скрыть это, только изобразив приступ кашля. Вдобавок еще бабушка Майка Ю сидел там с целлулоидной физиономией и слипшимися глазами и руками засовывал в рот яйца, сваренные вкрутую.

Несмотря на весь этот ужас, Миранда так привязалась к Майку, что даже попыталась учить китайский, чтобы они могли общаться на его родном языке. Впрочем, это ни к чему не привело. На то, чтобы выучить слово «вторник» (*tinsywaah*), у нее ушла целая неделя, потом еще столько же на «среду» (*tinseeteer*), но к тому моменту она уже забыла «вторник». Миранда рассчитывала, что это будет пустяковым делом, ведь ее мать стала почти билингвой (английский/испанский) за несколько посещений вечернего кружка.

Миранда отчаялась и продолжила говорить по-английски и жестами. Она выучила, как зовут маму Майка Ю (Ю Анкинг), что означает «Кроткая», и его папу (Ю Хукинг), что означает «Счастливчик», но до бабушки Миранде дела не было, она даже смотреть на него не хотела.

Миранда возблагодарила Господа, что у Майка английское имя, в противном случае ей, возможно, не удалось бы встретаться с ним.

— Но у него наверняка есть китайское имя, — сказала я.

— Нет, — заверила Миранда. — Майк и по-китайски Майк.

Короче, Миранде требовалась работа, чтобы были деньги на шмотки и косметику, надо же ей выглядеть стильно и привлекательно для Майка Ю, тем более что в старую одежду ее разросшийся бюст уже не умещался. Свои лифчики «Дороти Перкинс» она отдала сестре Мелоди, которая никаких таблеток не принимала и вообще в период полового созревания сделалась похожей на парня, ей даже приходится носки в лифчик засовывать.

Мое же стремление устроиться на работу не имело ничего общего с эмоциональными романтическими причинами Миранды, во всяком случае, мои мотивы не были столь прямолинейны, — впрочем, это неважно, потому что времени на них все равно не осталось. Ее рассказ затянулся на все сорок пять минут нашей прогулки до места.

— Вот, — вытянула руку Миранда, показывая, — «Райский уголок».

Я щелчком отправила окурок в канаву, и мы с опаской перебрались через решетчатый мостик.

Миранда — в высоких башмаках — шагала осторожно и внимательно смотрела, куда ставит ногу. Я, глянув вниз, заметила, что в маслянистой луже валяется трость.

— Господи, — неуверенно пошатываясь, пробормотала Миранда, — отсюда уж точно ни один старый говнюк не смоется.

Мы постучали в дверь, и, пока дожидались, я глазела вокруг и заметила в окне над дверью какую-то женщину.

Она не смотрела на улицу, а просто прижалась щекой и ладонями к стеклу — мой брат Джек делал точно так же, когда скучал по маме. Он еще потом стирал мутные пятна от своего дыхания. Спустя некоторое время дверь открылась, на пороге возникла пожилая медсестра и проводила нас в просторную жаркую кухню.

Дама в фартуке, представившаяся кухаркой, объявила, что уже почти время чая. Жестом велела нам сесть и принялась раскладывать черпаком из громадного медного чана горячие волокнистые плоды по плошкам, расставленным на другом конце чисто выскобленного стола. Судя по виду, то был вареный ревень.

Потом к нам присоединилась женщина лет сорока, которую звали Ингрид, она была очень высокой и, очевидно, начальницей.

— Выпьем чаю? — спросила она, глядя на кухарку.

Та улыбнулась и ответила:

— Ага, давайте. И с булочкой небось?

А потом с нами побеседовали, прямо там, за столом. На буфете выстроились подносы с угощением к чаю, стайкой впорхнувшие в кухню медсестры подхватили подносы, а кухарка налила кипяток в два огромных заварочных чайника, и это был лучший чай на свете — прямо как в старые добрые времена или как в королевском дворце. И все было восхитительно, вот только я заметила, что у Ингрид красные глаза, то ли она долго рыдала, то ли чем-то больна. На ее месте я бы сказала: «Простите, что у меня глаза красные, это сенная лихорадка разыгралась», и неважно, правда это или нет. Но она ничего не объяснила.

Так странно сейчас называть ее Ингрид, потому что после той первой беседы она упоминается далее просто как Жена Хозяина, но вот в тот момент было именно так.

И еще я сейчас не на сто процентов уверена, что ее звали Ингрид, — может быть, Инга или Ирена. Помню только, что точно начиналось с гласной и означало «Божественная Сила» на древнескандинавском. Можете сами посмотреть, как правильно.

Собеседование было коротким. Она изложила нам золотые стандарты работы с пожилыми людьми и спросила, приходилось ли нам иметь дело с плитой «Ага», которая, как она сказала, является сердцем любого дома. У Миранды такого опыта не было, а я запросто смогла поддержать беседу о конфорках, просеивании угля и шуровании. Кухарке, похоже, беседа понравилась.

Потом Жена Хозяина спросила, почему мы хотим работать здесь. Я ответила первой, объяснила, что моя семья не может позволить себе два разных вида шампуня или два сорта кофе, а мне надоел «Восен» и экономкофе «Вулко» (который наполовину кофе, а наполовину экстракт цикория). И с тех пор как моя сестра начала приносить домой всякую всячину, начав подрабатывать в «Вулворте», я вознамерилась добиться возможности приобрести пивной шампунь «Линко» в таких маленьких бутылочках и еще кофе «Максвелл», который сулит незабываемый аромат.

Жена Хозяина заинтересовалась:

- Похоже, тебя соблазнила телевизионная реклама.
- Я попробовала эту продукцию, и она действительно лучше дешевых брендов, — заверила я.

Тут в разговор влезла Миранда, спеша объяснить свои мотивы. Она хотела работать в сфере ухода, потому что она очень сострадательный человек, и она имеет собственный опыт болезни, но теперь она в добром здравии. Прозвучало убедительно, и я почувствовала, что меня, похоже, обошли.

Жена Хозяина улыбнулась, кивнула Миранде и вновь повернулась ко мне:

— Пивной шампунь «Линко»?

— Да. — И я подробно описала, как чувствуют себя волосы после мытья этим шампунем. — Он содержит натуральные пивные дрожжи, волосы становятся упругими, крепкими, пышными и здоровыми.

— Что ж, я это запомню, Лиззи, — сказала она. — Звучит чудесно.

И этого оказалось достаточно. Я забыла упомянуть о своей выдающейся способности сострадать, но, вероятно, это было очевидно, поскольку работу получили мы обе, и нам велели явиться в следующую субботу к восьми утра на инструктаж, в удобной обуви.

После собеседования мы с Мирандой отправились домой. Теперь я питала к ней товарищеские чувства, мы ведь теперь коллеги, и я думала, что справедливо будет рассказать, почему я хочу эту работу, раз уж я выслушала во всех подробностях ее резоны, и еще потому, что мои ответы могли прозвучать мелко и инфантильно. Я хотела представить себя в гораздо более философском свете.

— Дело не только в деньгах, — сказала я. — Я хочу независимости.

И это было правдой. Я не хотела еще год пытаться обмануть торговый автомат, надеяться на бесплатные пробники и информацию из третьих рук, еще год пользоваться лекарственным шампунем, питаться сэндвичами с сахаром и стрелять сигареты, сидеть с соседскими детьми, только чтобы при случае стащить из буфета баночку джема или пакетик хорошего чая, еще год путаться у людей под ногами, лишь бы свести концы

с концами. Я чувствовала себя здоровенным переростком и обузой.

И начала я с главного, но Миранду это несколько не интересовало, поэтому я вернулась к истории ее отношений с Майком Ю, про которую все же приятнее слушать.

Миранда тут же сообщила мне под большим секретом, что Майк так классно целуется, что у нее аж лобок сводит. У него три разных типа поцелуев. Первый — просто поцелуй, обыкновенный, придвигает свой рот близко к ее, но не касается и выдыхает из ноздрей теплый воздух прямо ей на верхнюю губу.

— Как дружелюбный дракон? — уточнила я, но Миранда не обратила внимания.

Второй тип, это когда осыпает все ее лицо и голову сотнями коротких поцелуев — веки, мочки ушей, каждый сантиметр, — а однажды он вынул зубами сережку с камнем-талисманом (сапфир) и в конце нежно сплюнул украшение ей в ладошку.

А третий тип поцелуя заключался в том, что он елозил языком внутри ее рта, вообще везде, включая дырку от удаленного зуба, где десна была повреждена и чувствительна только наполовину.

На данный момент они только целовались, ну еще эротически держались за руки. Майк Ю не хотел заходить дальше, ему это казалось неправильным и распущенностью, и он говорил, что есть много всего другого, а половые сношения — это как мчаться галопом через лес на лучшем императорском скакуне: захватывающе, но не стоит этого делать, пока не пройдешь по тропе сотни раз пешком, любуясь каплями росы на листьях, мхом на стволах, солнечными лучами, льющимися сквозь кроны деревьев, и все такое. Это, конечно, бесило, учитывая,

что Миранда специально начала принимать таблетки и набирала вес с каждым днем.

На окраине деревни Миранда зашла в телефонную будку и пригласила меня к ней присоединиться. Она позвонила Майку и сообщила, что нашла работу, подробно описала собеседование, добавив несколько деталей, которые я упустила, вроде того как Жена Хозяина сказала Миранде, что она определенно тот самый кандидат, которого они искали. Почему-то она сказала ему, что я рядом с ней в телефонной будке, и сунула мне трубку, чтобы я поздоровалась. Потом в трубке запыкало, и Миранда выхватила ее и прокричала: «Я люблю Майка Ю!»

По дороге домой Миранда продолжала рассказывать про Майка. У него седьмой размер обуви, и это меньше среднего, но зато она сможет носить его тапочки, когда они будут жить вместе. Это мне очень понравилось. Я сказала Миранде, что с удовольствием носила бы мужские пальто или обувь, просто чтобы показать, на что способна, а она сказала, что это одна из трагедий детей из неполных семей и что я всегда буду стремиться надеть мужскую одежду. Сама она запросто может брать ее или не брать, потому что ее отец живет с ней вместе с самого рождения.

Майк никогда не ест пудинги, только консервированные личи, и еще иногда рождественский. Он пишет стихи, и даже один стих посвящен ей, «Снежная фея и солнце», многообещающий, но реалистичный; а еще один стих — мягкое порно под названием «Женский пенис», про полумужчину, полуженщину, полукуруцу, а на самом деле он про самоосознание и милосердие, но плохо заканчивается.

В начале квартала «Платаны» к нам подрулил сам Майк Ю на «датсун черри».

— Смотри, это Майк, — воскликнула Миранда и бросилась через дорогу.

Мы были знакомы, но теперь, когда я так много узнала о нем, он казался совсем другим.

Миранда прыгнула на пассажирское сиденье, чмокнула Майка в щеку. Они перебросились парой фраз, потом Майк окликнул:

— Эй, Лиззи!

Я подошла.

— Подбросить тебя? — предложил он.

Миранда ответила вместо меня:

— Нет, она же здесь и живет, в квартале «Платаны».

— Но спасибо, — добавила я.

— Я думал, ты живешь на другом конце деревни.

— Раньше жила, — сообщила Миранда. — Но ее семья разорилась.

Майк явно огорчился:

— Черт, прости.

— Это было давным-давно, — сказала я.

— Вот не повезло, — сказал Майк.